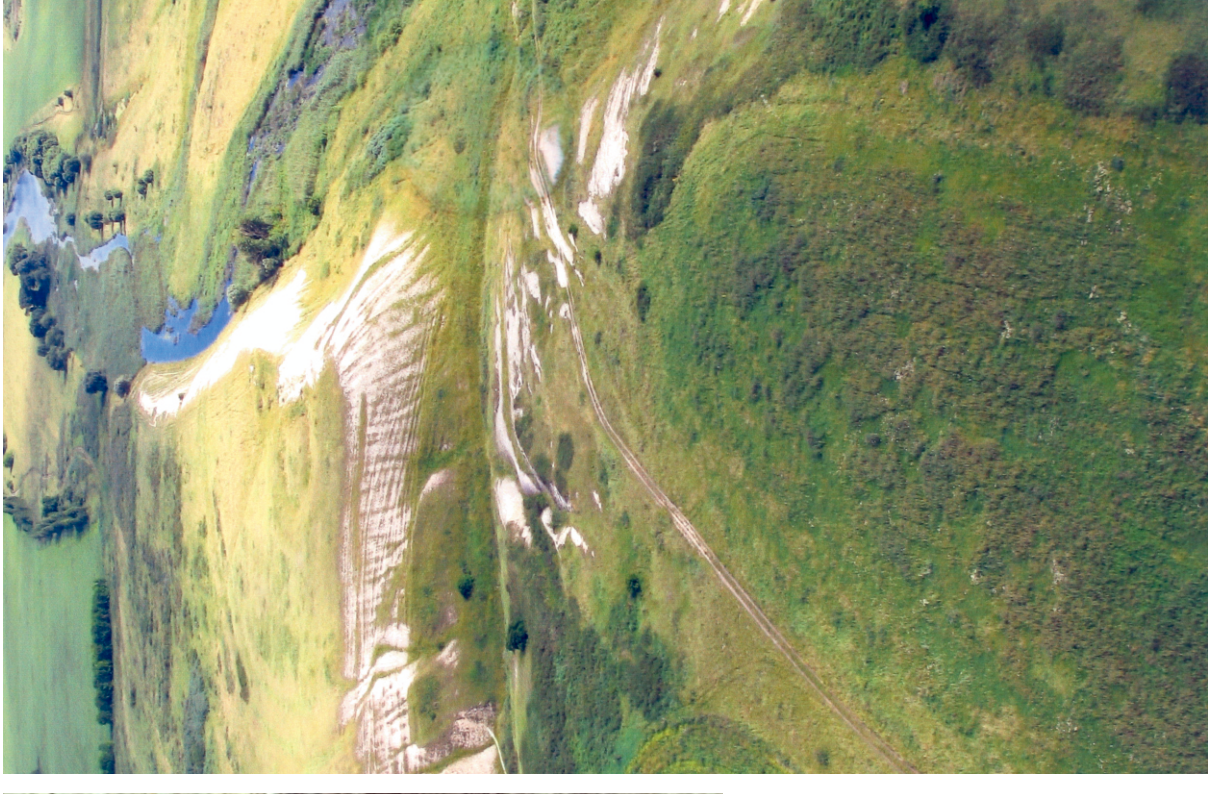

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
Управление государственной охраны объектов культурного наследия
Белгородской области
ООО «Белгородская археологическая экспертиза»
ООО «Терра»
Группа компаний «Черноземье»

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Сборник материалов международной научно-практической конференции,
посвящённой 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко

(г. Белгород, 14–16 декабря 2017 года)

Белгород 2018

УДК 902(470)(063)

ББК 63.48(2)я431

А 87

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор: В.А. Сарапулкин;

Члены редколлегии: Т.В. Сарапулкина, А.Н. Голотвин, А.М. Скоробогатов,
Г.В. Акапьева, А.А. Костылёва

Рецензенты:

А.Н. Бессуднов, кандидат исторических наук, доцент, ФГБУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

И.В. Федюнин, кандидат исторических наук, доцент,
ФГБУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

А 87 Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов международной науч.-практ. конференции, посв. 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко (г. Белгород, 14–16 декабря 2017 года) / отв. ред. В.А. Сарапулкин. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – 564 с.

ISBN 978-5-9571-2680-5

В сборник вошли материалы межрегиональной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи». Содержание издания отражает секционную структуру форума. Многие публикации посвящены анализу источников с археологических объектов Центральной России и Украины, основная часть из которых впервые вводится в научный оборот. Кроме этого, в сборнике представлены материалы, освещающие отдельные историографические вопросы, современные подходы к реконструкции исторических, этнокультурных и природных процессов.

Издание предназначено специалистам-археологам, историкам, учителям истории, искусствоведам, студентам, краеведам и всем интересующимся древнейшим прошлым нашей страны.

УДК 902(470)(063)

ББК 63.48(2)я431

ISBN 978-5-9571-2680-5

© НИУ «БелГУ», 2018

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

К ДИСКУССИИ О НАПРАВЛЕННОСТИ ФРОНТА САЛТОВО-МАЯЦКИХ ЛЕСОСТЕПНЫХ ГОРОДИЩ

Г.Е. Свистун

Военно-стратегическая и социальная роль салтово-маяцких лесостепных городищ в среде профильных специалистов вызывает дискуссии. В данной работе оцениваются доводы оппонентов, поднимаются новые вопросы и даются ответы на ряд ранее поставленных. Выясняется, что данные памятники разделяются как хронологически, так и по военно-стратегическому назначению.

Ключевые слова: городище, фронт, салтово-маяцкая культура, Лесостепь, Хазарский каганат.

TO A DISCUSSION ON THE DIRECTION OF THE FRONT OF THE SALTOVO-MAYAK FOREST-STEPPE MOUND

G.E. Svistun

The military-strategic and social role of the Salto-Mayak hillfort forest steppe mounds in the midst of specialized specialists provokes discussions. In this paper, the arguments of opponents are evaluated, new questions are raised and answers are given to a number of previously delivered questions. It turns out that these monuments are divided both chronologically and by military-strategic designation.

Key words: hillfort, front, Saltovo-Mayak culture, Forest steppe, Khazar Khaganate.

Прежде чем приступить к рассмотрению заявленного в названии работы вопроса, хотелось бы выразить свое удовлетворение разворачивающейся в специальной литературе дискуссией относительно роли, отведенной историческим процессом салтово-маяцким лесостепным городищам. Действительно, с накоплением базы данных, развитием салтово- и хазароведения данный вопрос становится все более актуальным, так как уже устоявшиеся в последние десятилетия взгляды все более перестают удовлетворять исследователей. Наши попытки показать это, заострить внимание специалистов на данном вопросе были выражены в предыдущих работах (Свистун, 2011; 2012а; 2012б; 2013б. С. 115, 116; 2013в; 2014а. С. 430, 431; 2014б; 2015. С. 14–18; Свистун, Горбатенко, 2011а; 2011б). В них, в частности, указывалось, что создание рассматриваемых городищ простым объяснением необходимости контроля северо-западных границ Хазарского каганата вряд ли возможно удовлетвориться. Причины строительства

фортификаций были более глубокими и многогранными. Они сочетали ряд факторов как экономического, так и военно-стратегического характера, которые, в свою очередь, были связаны как с политической обстановкой в Юго-Восточной Европе в целом, так и возможной конфронтацией внутри хазарского государства. С учетом этого, следует также осознавать, что при уровне современных знаний в одночасье, полностью и безоговорочно решить все вопросы, касающиеся роли салтово-маяцких лесостепных городищ, все еще невозможно. Но, тем не менее, дискуссия на данную тему становится все более актуальной и важной для дальнейших поисков истины. Приблизить нас к решению данных вопросов могло бы, прежде всего, выяснение четкой датировки лесостепных городищ, что до сих пор не реализовано. Безоговорочно принимать тезис об их повсеместной единовременности, включая, например, и Саркел, также является очевидным заблуждением, влекущим за собой необоснованные псевдонаучные построения.

Ведь никаких реальных фактов или свидетельств как в нарративных источниках, так и археологического характера, подтверждающих единую военно-стратегическую задачу, выполняемую Саркелом и укреплениями лесостепного региона, на поверку не существует¹. К тому же следует учитывать, что Саркел был построен в 30-х гг. IX в. (Плетнева, 1996. С. 15) – ко времени финала функционирования лесостепных салтово-маяцких памятников как минимум в Северскодонецком микрорегионе и, скорее всего, в Оскольском. Более вероятной такая одновременность может быть у памятников в Тихососновском микрорегионе. В пользу этого, в частности, свидетельствуют результаты радиоуглеродных анализов времени строительства Маяцкого (809–891 гг.) и Алексеевского (767–847 гг.) городищ на Тихой Сосне (Афанасьев, 2012б. С. 45; 2015. С. 351, 352; 2016. С. 59). Даже учитывая известную несовершенство данного метода датирования, в целом результаты укладываются во временные рамки постройки и функционирования Саркела. В этой связи следует особо внимательно отнестись к замечаниям и предостережениям

¹ При этом, тем не менее, обращает на себя внимание сходное функциональное назначение Саркела (Плетнева, 1996. С. 6) с нашими трактовками относительно лесостепных салтово-маяцких городищ, одной из основных функций которых являлся контроль дорог у переправ (Свистун, Зинченко, 2009, С. 120, 121 и др.). Помимо этого, аналогичная структура с точки зрения хронологии поселений, группирующихся на обеих сторонах рек у переправ, на перекрестках речных и сухопутных дорог приводится В.Я. Петрухиным, приводящим обзор наиболее ярких примеров, касающихся – помимо Саркела на левом берегу Дона и Правобережного Цимлянского городища – Итиля, Верхнего Салтова и крайнего западного пункта, контролируемого Хазарией в Среднем Поднепровье – Киева (Петрухин, 2014. С. 131–133). Т.е., таковое явление по контролю дорог на переправах с тяготением к ним поселенческих анклавов было широко практикуемым и лесостепной салтово-маяцкий регион в этом отношении не был исключением.

В.С. Флёрва, обращающего внимание исследователей на неодновременность городищ в другом регионе Хазарского каганата – на Нижнем Дону. Без учета этого, да еще и при условии неравномерной и незначительной исследованности памятников, в научной литературе имеют место ложные выводы и последующие мало обоснованные трактовки (Флёрв, 2016). На подобные квазинаучные построения в салтово- и хазароведческой научной среде, базирующиеся на недобросовестном изложении текстов средневековых авторов и произвольном толковании этнической ономастики и археологических источников при условии их недостаточной исследованности, также вполне резонно указывает В.Я. Петрухин (Петрухин, 2014. С. 129).

В вопросах, касающихся лесостепных городищ, являются своевременными и актуальными работы А.А. Тортики, выразившего свою точку зрения на причину появления, хронологию и функциональное назначение данных памятников (Тортика, 2013; 2016). При отдельных совпадениях или близости точек зрения с выраженными нами доводами, утверждениями и предположениями А.А. Тортика высказывает свои, принципиально иные взгляды на ряд положений.

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть очень важный вывод А.А. Тортики, согласно которому «...цепь укрепленных поселений, возникшая в середине VIII в. на берегах Северского Донца, первоначально, ни самим фактом своего появления, ни оборонительными задачами фортификационных сооружений не могла быть ориентирована на угрозу, исходящую с запада или северо-запада. Тогда ее просто не существовало» (Тортика, 2016. С. 126, 127). Это утверждение, базирующееся на общей, вполне объективной, оценке этнополитической ситуации в регионе, изложенное ранее нами (Свистун, Зинченко, 2009. С. 120, 121; Свистун, 2011. С. 70; Свистун, 2012а. С. 153–156; Свистун, 2012б. С. 202, 203; Свистун, 2013б. С. 115, 116), кардинально меняет

весьма распространенный и утвердившийся в специальной литературе взгляд на северо-западную часть Хазарского каганата. Данное представление о роли рассматриваемых оборонительных пунктов как на некое подобие лимесов на границах Римской империи продолжительное время господствовало в работах ведущих ученых и выносилось даже в заглавия статей и монографий. В качестве примера можно привести такие работы как «На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс» (Плетнева, 1989) и «На северных рубежах Хазарского каганата» (Винников, Плетнева, 1998). Активно придерживается данной позиции, вплоть до утверждений участия византийских строителей в создании этого укрепленного порубежья – по аналогии с Саркелом – Г.Е. Афанасьев, взгляды которого разделяет К.И. Красильников. В качестве подтверждения приводятся аналогии в планировке, строительных приемах и материалах, а также метрологических параметрах элементов салтово-маяцких и византийских городищ, вычленяются буквы греческого алфавита в настенных надписях Маяцкой крепости (Афанасьев, 2010; 2012а; 2012б; 2012 в. С. 117; 2013а; 2013б; 2013в; 2015; 2016. С. 11–24; Афанасьев, Красильников, 2012; Красильников, Красильникова, 2014. С. 418–422). Но приводимые аргументы являются спорными, а порой и вовсе сомнительными (Свистун, 2014б. С. 57, 58; Флёров, 2015; Тишин, Флеров, 2016а; 2016б).

Помимо прочего, А.А. Тортикой отвергается утверждение, согласно которому рассматриваемым городищам приписывалась не только военно-пограничная, но и фискальная функция относительно Днепровского лесостепного левобережья (Тортика, 2016. С. 127). Действительно, для сбора дани более актуальными являлись бы мобильные конные отряды, а не фортификационные сооружения, которые, к тому же, не всегда находились у границ расселения славян. В этой связи также справедливо указано на неподтверждающуюся

ничем гипотетичность пребывания тудунов под защитой фортификаций (Тортика, 2016. С. 125). К тому же, на наш взгляд, возведение городищ как мест сбора и хранения дани являлось бы неоправданной затратой огромных людских ресурсов и средств, выраженных в форме отвлечения производительных сил на строительство. Это неизбежно должно было бы притормозить хозяйственное развитие, что само по себе невыгодно с экономической точки зрения – обогащение как раз и было главной целью при сборе материальных ресурсов. Вряд ли собираемые богатства оправдывали такое масштабное строительство со всеми вышеуказанными издержками. Тем более, что дань, если допустить возможность хронологического соотнесения сведений письменных источников (Повесть временных лет, 1996. С. 12, 14, 31; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. С. 106) с рассматриваемыми нами памятниками, была в обычных, принятых в те времена размерах, не отличаясь некой из ряда вон выходящей обременительностью. Как минимум, она не вызвала особого возмущения, которое нам по факту неизвестно, не считая легенды о дани мечами, являющейся, скорее всего, народным анекдотом, возведенным летописцами в ранг исторического события (Петрухин, 2002; Щавелев, 2003. С. 142; Комар, 2005. С. 211, 212). К тому же, продуманное построение многоступенчатой обороны с расположением укреплений преимущественно на близком друг от друга расстоянии (зачастую лишь в нескольких километрах) (Рис. 1), не говорит в пользу того, что таким образом устраивались своеобразные «сейфы» для собранной дани в непосредственной близости от населения, значительно уступавшего в вооружении и защитном снаряжении. Помимо этого, подданство Хазарскому каганату предоставляло ряд экономических выгод в виде, прежде всего, доступа к торговым путям на черноморские и каспийские рынки (Петрухин, 2002. С. 45). Это обстоятельство делает сомнительным возникновение конфронтации с данниками, которая могла

бы вызвать постройку линии обороны для защиты от последних, но не их контроля, так как для последнего логичным было бы устраивать опорные пункты непосредственно в землях, которые необходимо удерживать в повиновении. Наоборот: археологически фиксируются факты культурного синкретизма (Комар, 2005. С. 213, 214; Петрухин, 2014. С. 126–129; Колода, 2015).

Для понимания позиции и развития взглядов А.А. Тортики на военно-стратегическую и социально-государственную роль лесостепных салтовомаяцких городищ следует учесть, что работа исследователя, вышедшая в 2016 г., была написана и сдана для публикации в мемориальном сборнике, посвященном памяти Н.В. Черниговой, в 2011 г. Это издание ждало своего выхода 5 лет и увидело свет уже после ухода из жизни автора. Но, помимо данной работы, у А.А. Тортики также имеются тезисы 2013 г. к докладу на II Бахчисарайских чтениях памяти Е.В. Веймарна (Тортика, 2013), посвященные этому же вопросу и представляющие дополнительные аспекты взглядов и точек зрения. В них прослеживается развитие тематики, затрагивание иных вопросов, касающихся роли и задач салтовомаяцких укреплений Верхнего Подонцовья. Оспаривая в этой краткой работе нашу точку зрения, А.А. Тортика отмечает ряд факторов, на которых в целом мы заострили внимание и приходили по ряду положений к таким же выводам ранее. В частности, он считает, что лесостепные городища создавались не в качестве линии обороны с определенным пространственным или политическим вектором, а являлись результатом формирования «...территориально-поселенческой структуры устойчивых родоплеменных групп, всегда готовых к обороне, строящих крепости для защиты самих себя, а не для выполнения задач хазарской власти» (Тортика, 2013. С. 44). Но мы с этим никогда и не спорили, а наоборот – поддерживали эту точку зрения, выдвинутую А.З. Винниковым и С.А. Плетневой о

наличии в поселенческих «гнездах», расположенных в лесостепной зоне бассейнов Северского Донца и Оскола, укрепленных пунктов (Винников, Плетнева, 1998. С. 29–34. Рис. 5, 6.; Плетнева, 1999. С. 27, 50. Рис. 2, 33), активно занимались и занимаемся поиском еще не обнаруженных таких укреплений и уточнением данных об уже известных, постоянно пополняя их общий список (Табл. 1) и картографию (Рис. 1)¹ (Зінченко, Свистун, 2005; Свистун, 2005; 2006; 2013а; Свистун, Сыровацкий, 2012; Свистун, Лаптев, 2016 и др.). Но это абсолютно не отменяет необходимости объяснения появления этих фортификаций и они нами предлагаются (Свистун, 2011; 2012а; 2012б; Свистун, Горбаненко, 2011а; 2012б и др.).

Таким образом, из текста тезисов А.А. Тортики следует, что заслуживает внимания лишь изложенный нами факт расположения укреплений вблизи бродов через водные преграды. Но, тем не менее, это объясняется как указание на организованное хозяйственное использование левобережных территорий, а также связано не только с близлежащими земледельческими угодьями, но и с определенными скотоперегонными маршрутами (Тортика, 2013. С. 45). При этом автор почему-то забывает, что аланские общины, которые должны быть хотя бы внутри каждой отдельно взятой родоплеменной группы относительно однородны, имеют различия по правому и левому берегам рек, что, прежде всего, отражается в погребальном обряде. К тому же, в целом в означенном регионе также

¹ Представленные карта расположения салтовомаяцких лесостепных городищ и таблица с указанием типологических признаков впервые опубликованы в 2014 г. (Свистун, 2014б). В данной работе они подаются с дополнениями и уточнениями ввиду проведенных исследований за прошедший период. Были внесены данные о городищах Короповом Южном, Котковском и Печенежском Северном, а также скорректированы характеристики Гороховатского и Кицевского городищ. С продолжением исследований, естественно, не исключены дальнейшие корректировки.

наблюдаются определенные взаимосвязи в территориальном соседстве этих обрядов, что также не дает оснований говорить о единой родоплеменной единице правобережного и левобережного салтово-маяцкого населения. И поэтому не следует забывать о полиэтничности салтово-маяцкого лесостепного населения, во многом не выясненной до сего дня, и связанных с этим определенных социальной и хозяйственной автономиях соседствующих разноэтнических групп (Аксенов, Лаптев, 2014). Также из этого проистекает, в свою очередь, что не все городища можно считать аланскими. Нами ранее было замечено, что в Подонцовье ареалы фортификационных сооружений с обожженными строительными элементами (кирпичами, аморфными «валиками», керамическими монолитами) и кремационных могильников, хотя полностью и не совпадают, но все же очень близки (Свистун, 2012в. С. 31), мало пересекаясь с ареалом катакомбных могильников, которые и соотносят с аланской этнической группой. Таким образом, между городищами в ареалах катакомбных захоронений и кремаций мы можем наблюдать некоторые отличия в строительных материалах и технологиях. Эти факторы оспаривают правомочность утверждения, встречающегося по умолчанию во многих тематических работах специалистов, о принадлежности всех городищ аланам.

Помимо прочего, немаловажным является вопрос: каким образом нам следует оценивать и воспринимать «гнезда» салтово-маяцких поселений с укрепленным центром – как сельскую округу с городищем-убежищем? Или же (по аналогии, к примеру, с восточными городами) как городскую округу с отдельными кварталами (которые, в принципе, могут иметь отличия по этническому, религиозному и другим признакам), разграниченными сельхозугодьями (садами, огородами и т.п.) и природными рубежами (оврагами и ручьями), для которых основополагающим градообразующим объектом является цитадель как костяк городского анклава

(Свистун, 2009)? Ведь единого, универсального понятия города наукой так и не было выработано (Велихов, 1996. С. 3) и в каждом отдельном регионе, в различные исторические периоды оно является своеобразным и уникальным. Поэтому город Руси и восточный город, к примеру, – абсолютно разные пространственно-организационные структуры (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973; Большаков, 1984; Куза, 1989 и др.). В.С. Флёрвуд уделит этому вопросу, помимо прочего, монографию (2010), в которой вполне обоснованно показал, что на данный момент мы не можем выделить города среди массы салтово-маяцких памятников рассматриваемого нами лесостепного региона. Важнейшее препятствие состоит в том, что в том же Подонцовье поселения раскапывались весьма ограниченно и неравномерно. Критерии же для восприятия непосредственно древними своих поселенческих анклавов (что было бы наиболее правильным подходом ввиду отсутствия объективного и универсального определяющего эталона) далеко не всегда совпадают с современными и порой искусственно определенными признаками, а зачастую нам просто неизвестны. В то же время на сегодняшний день нет широких почвоведческих и иных исследований, позволивших бы определить конкретные степень и характер использования земельных угодий в межпоселенческих зонах. Работа в этом направлении на территории Подонцовья ведется (Колода, Горбаненко, 2010; Свистун, Горбаненко, 2011а; 2011б; Горбаненко, Колода, 2013), но до ее всеобъемлющего результата очень далеко. Поэтому и окончательные выводы по вышеизложенным вопросам делать рано.

Таким образом, непосредственно военно-стратегическая роль салтово-маяцких лесостепных укреплений со сложной системой фортификаций до нескольких укрепленных рубежей, демонстрирующих в целом высокую квалификацию строителей и знание военного дела, обустроенных на стратегически важных переправах через водные преграды и таким образом

контролировавших их, с максимальным использованием защитных свойств рельефа местности, в ряде случаев грамотно усиленных искусственно и при всем вышеперечисленном не являвшимися местом обитания основной части населения, а значит имевших в прерогативе военное предназначение (убежищ на случай опасности, контрольно-опорных фортпостов и т.п.), А.А. Тортикой были отвергнуты. В подтверждении своих взглядов он также привлекает географию рассматриваемого региона (противореча в этом случае тезису о бродах, который, все же, посчитал заслуживающим внимания, хотя и связал это не с военным фактором, а, прежде всего, со скотоперегонными маршрутами), утверждая, что данные городища не могли быть надежным рубежом на пути противника: их можно было либо обойти с юга, либо пройти между ними (Тортика, 2016. С. 127). Тут же возникает резонный вопрос: но почему тогда скот гоняли исключительно через броды, если последние можно было обойти – в войсках как минимум должны были быть если не тот же скот для прокорма или в качестве трофея, то хотя бы лошади?

В целом, сами по себе отдельно стоящие городища – действительно – не препятствуют продвижению противника и могут быть легко обойдены. Но это справедливо лишь в случае, если представлять укрепленные пункты на идеальной площади без учета рельефа местности, а продвигающегося противника по абсолютно комфортному пространству, не отягощенному проблемами не только преодоления природных преград, а и собственными нуждами (возможным обозом, обеспечением элементарной жизнедеятельности и боеготовности, а также скрытности при поставленной задаче обхода или прохода между крепостями с учетом расположения вокруг них «гнезд» поселений). Как ни вспомнить в этой связи меткие слова Л.Н. Толстого, родившиеся во время Крымской войны – в ходе обороны Севастополя – после неудачной военной операции: «Гладко вписано в бумаги, да забыли про овраги, а по ним ходить...»

(1935. С. 307), которые насущно будут звучать для военных всех времен. На реальной местности – как в древности, так и вплоть до нашего времени – далеко не везде на рассматриваемой нами территории можно осуществить переходы ввиду сильной пересеченности местности, водных рубежей (особенно в периоды сезонного половодья с разливами порой не на один километр в ширину), обширных заболоченных пойм левых берегов с заливными лугами (Федоровский, Педаев, Сумцов, 2010). Поэтому – как отдельные путешественники, так и воинские группы в известной исторической ретроспективе – были вынуждены придерживаться проторенных дорог по водоразделам, привязанным к местам бродов и переправ. Помимо прочего, нельзя исключать сооружения в случае необходимости эффективных препятствий по примеру засечных линий и осуществления службы наблюдателей-сторожей, широко использовавшихся на данной территории в период колонизации Поля в XVI–XVIII вв. Этот вид организации обороны был вполне реализуем и для салтово-маяцкого населения. Не резонно предполагать, что оно не продумывало дополнительных мероприятий в случае потенциальной угрозы на опасных направлениях, а ограничивалось лишь городищами. Помимо прочего, даже при возведении сплошной линии обороны на водоразделах (к примеру, Украинской оборонительной линии 1731–1735 гг. в междуречье между Северским Донцом и Днепром) – при использовании передовых на то время принципов полевой фортификации, позволявших возложить основную защитную нагрузку непосредственно на оборонительные сооружения – тем не менее, со стороны фронта были оставлены рубежи в виде рек, а их притоки и овраги использованы для прикрытия подступов с флангов к фортам и другим элементам системы (Пірко, 2007. С. 28–37, 46–50. Рис. 1).

Помимо прочего, следует также остановиться на выдвигаемом тезисе о том, что городища расположены на правом берегу исключительно ввиду удобных мысов и их

отсутствия на левобережье, а также из-за тяготения алан к привычному нагорному ландшафту Предкавказья (Тортика, 2016. С. 132, 133). Как уже было сказано выше, игнорирования такого важного защитного рубежа как водная преграда, старались избегать не только в древности, но вплоть до настоящего времени как наиважнейшей составляющей обороны. Не думается, что теоретическое тяготение к привычному нагорному ландшафту Предкавказья взяло бы верх над объективной оценкой бесспорных, очень серьезных стратегических преимуществ. В то же время построение квадратных (прямоугольных, трапециевидных) и округлых укреплений, характерных для условий отсутствия естественных преград, лесостепному салтово-маяцкому населению был хорошо знаком и освоен в полной мере, что становится очевидным при обзоре рассматриваемых памятников (Свистун, 2014б). Снова приведем пример более поздних фортификационных мероприятий на рассматриваемой территории: в случае опасности с правобережья возведенная в 1679–1680 гг. в этих же местах Изюмская линия также максимально использовала реки, будучи обустроенной, несмотря на низины, все же на левобережье Северского Донца (Пірко, 2007. С. 18. Рис. 5). Пренебрежение водным рубежом в военных вопросах всеми силами стараются не допускать вплоть до современности.

Археология фиксирует на данный момент лишь часть того, что реально имело место в прошлом. Но, как свидетельствует грамотное обустройство городищ, фортификаторы не могли оставить без внимания фактор возможного проникновения и обхода. При необходимости с древности по настоящее время осуществлялись и осуществляются дополнительные мероприятия по обороне местности (Ласковский, 1861; 1858–1861; 1865; 1866; Лёближуа, 1934; Гербановский, 1943 и др.). Одинаковые, потенциально опасные направления со стороны Степи – с восточного или юго-восточного направления (имеется ввиду не конкретный путь продвижения с одной точки в другую на определенном участке той или иной

местности при поворотах речных русел, что оговаривается в работах А.А.Тортики, а стратегический вектор в масштабах Юго-Восточной Европы по отношению к Подонью-Подонцовью) диктовали необходимость контроля одних и тех же переправ через водные рубежи, на которые веками вели проторенные с древности дороги. Именно поэтому в целом ряде случаев возникавшие еще в раннем железном веке укрепленные пункты возобновлялись (достраивались и перестраивались с использованием остатков фортификационных сооружений предшествующих исторических периодов) в средневековье и новое время. И все они – с учетом обусловленного природой фактора соседства Степи и Лесостепи, а следовательно и этнокультурных различий, влекущих, в свою очередь, хозяйственные отличия (оседлого и кочевого миров) – были призваны осуществлять контроль в северскодонском и оскольском микрорегионах Лесостепи над путями проникновения с востока или юго-востока. В этом отношении салтово-маяцкий период не является исключением, так как система военно-стратегического контроля ничем не отличается как от предшествовавшего времени, так и от последовавшего за ним.

Важными в вопросе причин появления лесостепных салтово-маяцких городищ в бассейне Северского Донца и Оскола, которые нельзя игнорировать, помимо внешних факторов (как, например, походы арабского полководца Мервана 737 г.) являются и проблемы внутренних противоречий в Хазарском каганате, выразившиеся в гражданских конфликтах.

Такая неопределенность есть следствием того, что на данный момент нет достаточно ясного представления – на базе современных знаний – не только о возможном конкретном внешнем противнике или реальной угрозе внутреннего противостояния в государстве, но также и о степени интеграции между отдельными регионами каганата, о возможной по сути автономности или определенной степени зависимости удаленных от центра районов. Нельзя на имеющемся материале с

достаточной уверенностью оценить эффективность контроля данных территорий центральной государственной властью (тем более в различные исторические периоды могущества или упадка каганата), ее способность реагировать с учетом времени ввиду значительных расстояний на возникающие внешние военные угрозы (возможности блокировать продвижение противника на ранних этапах агрессии, не допуская значительного углубления во внутренние районы каганата). И это при условии, если принимать сильно пропагандируемый в работах С.А. Плетневой (1999. С. 7–23) тезис о восприятии салтово-маяцкой культуры как государственной в отношении Хазарского каганата и таким образом определять его границы. Но не нужно забывать (не привязывая нашу личную оценку к данным положениям), что это лишь научная концепция¹. Ввиду полиэтничности и культурных вариационных различий салтово-маяцкую культуру следует, скорее всего, рассматривать, согласно А.В. Комару, как салтово-маяцкую культурную общность (Комар, 2010. С. 139).

Иной причиной тому является отсутствие четкой, подробной внутренней хронологии в рамках культуры, которая позволила бы выделить и привязать к известным историческим событиям этапы колонизации салтово-маяцким населением лесостепных пространств. Поэтому, при современном состоянии разработанности тематики, невозможно определенно утверждать – на каком конкретном этапе

(начальном, конечном или промежуточном?) начинают функционировать рассматриваемые городища, сколько длится их эксплуатация в оборонительном качестве, а, следовательно, возникают и проблемы с определением конкретных или потенциальных противников с восточного или юго-восточного векторов. Некоторым маркером к данному построению могут служить результаты исследований Кабанового городища, в результате которых выяснилось, что фортификационные сооружения памятника перестают использоваться по прямому назначению и во рву обустроивается салтово-маяцкий металлургический центр. Из этого следует, что городище как минимум на финальном этапе бытования лесостепных памятников в бассейне Северского Донца уже не использовалось (Свистун, 2013б).

Весьма примечательны различия между рассмотренными выше лесостепными салтово-маяцкими памятниками бассейнов Северского Донца и Оскола с одной стороны и бассейна Тихой Сосны с другой. Это выражается, прежде всего, в отсутствии «гнезд» поселений, более редким расположением городищ, размещением их хотя и на правом высоком берегу реки, но обращенном в сторону Степи, а это означает, что укрепления были лишены важного защитного фактора – водной преграды. К тому же, С.А. Плетнева отметила сходство вещевых комплексов Маяцкого могильника (на Тихой Сосне) с инвентарем поздней группы погребений Дмитриевского могильника (по Северскому Донцу), хотя и имеющим некоторые различия (Плетнева, 1999. С. 60, 61). В целом это также указывает на несколько иной хронологический срез тихососновского микрорегиона в сторону более позднего его бытования. Это согласуется с высказанными нами выше аргументами касательно неодновременности бытования лесостепных памятников. Также заметно отличаются строительные приемы и планировка городищ в различных микрорегионах. Если в бассейнах Северского Донца и Оскола городища имеют валы, а стены ни разу не зафиксированы, то в

¹ Равно, как и тезис об инициированном государственной властью переселении северокавказского населения в Верхнее Подонцовье, а также версия об организованном государственной властью строительстве укреплений на юго-западных рубежах пограничных крепостей и др., основывающиеся на недоказанных фактах, но весьма популярной точке зрения о столь сильной централизации каганата, что позволяла бы железной волей переселять народы на большие расстояния, руководить обустройством систем защиты обширных порубежных регионов и т.п.

бассейне Тихой Сосны характерным элементом оборонительных сооружений для цитаделей являются именно стены, что ярко показано на примере Маяцкого городища (Афанасьев, 1984). По-видимому, некоторой переходной формой, имеющей признаки, близкие северско-донецкой группе городищ (валы с бруствером), являются укрепления Красного городища – самого западного из ряда городищ по Тихой Сосне, непосредственно граничащего с оскольским микрорегионом. На особенности фортификационных сооружений данного памятника обратила внимание еще С.А. Плетнева, которая попыталась их объяснить иным, невоенным назначением: либо ритуальным, либо в качестве своеобразного караван-сарая (Плетнева, 1999. С. 61, 62). Мы не склонны к такому объяснению, проанализировав опубликованные на тот момент данные об этом укреплении (Свистун, 2007. С. 410–412. Рис. 6). Позже автор раскопок Красного городища все-таки опубликовал результаты своих работ довольно подробно, высказав в наш адрес критику в отношении видения профилировки этих оборонительных сооружений (Красильников, Красильникова, 2014. С. 421)¹. В частности, возмущение касалось приведенных данных, полученных от первооткрывателя городища А.Г. Николаенко, который сообщил нам сведения о нахождении местными жителями бревен в остатках укреплений. Попутно

К.И. Красильников и Л.И. Красильникова заметили, что дерево не могло сохраняться столь долгое время, а данные краеведа А.Г. Николаенко нельзя воспринимать всерьез, хотя – должно заметить – этому замечательному полевику принадлежит честь открытия и исследования большого количества археологических памятников (в том числе и салтово-маяцких) и его работы внесли значительный вклад в развитие науки. Все это никак не может свидетельствовать о некомпетентности исследователя. Между тем, скептическое замечание, касающееся возможности сохранности дерева, опровергается фактом нахождения бревен частокола на салтово-маяцком городище Короповы Хутора, расположенном в долине Северского Донца. Сведения об этом опубликованы в профильных широкоизвестных изданиях, но почему-то не были приняты во внимание авторами критики (Колода, Чендев, 2010–2011. С. 119–121. Рис. 7; Чендев, Колода, 2012. С. 119. Рис. 7). Объявляя Красное городище недостроенным, К.И. Красильников и Л.И. Красильникова «умножают» общее количество объявленных незавершенными городищ на территории Хазарского каганата, что само по себе справедливо вызывает вопросы (Флеров, 2015. С. 325). Поэтому отказываться от нашей версии видения профилировки укреплений этого памятника как кирпичного вала с деревянным бруствером считаем преждевременным.

Пытаясь ответить на вопрос о назначении тихососновских городищ, на отличие которых от других микрорегионов салтово-маяцкой Лесостепи обратила внимание и С.А. Плетнева (Плетнева, 1999. С. 61), следует также задаться вопросом – какие потенциальные угрозы возникали в данный период с северного направления. Более аргументированным этот дискурс будет, как мы уже оговаривали выше, после того, когда удастся получить дополнительную археологическую информацию о лесостепных салтово-маяцких памятниках. На данный момент лишь ясно, что создание крепостей в бассейне Тихой Сосны было вызвано иными

¹ Помимо прочего, авторы этой работы несколько некорректно замечают в наш адрес: «чтобы представить реальную инженерно-строительную ситуацию городища необходимо хотя бы бегло пройти по тексту, а тем более по иллюстрациям отчета по итогам раскопок» (Красильников, Красильникова, 2014. С. 421). Мы же пользовались при своих выводах (которые, впрочем, не претерпели изменений) опубликованными на тот момент в научной литературе данными о Красном городище. Что касается доступа к отчетным материалам, то нами они были запрошены у автора раскопок еще в 2008 г. во время прохождения научной конференции в Воронеже, но был получен уклончивый отказ. Поэтому нам не совсем понятен данный упрек.

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

причинами, возникшими в иной хронологический момент по сравнению с бассейнами Северского Донца и Оскола. Вследствие этого и видение городищ как

единого порубежного укрепрайона на Северо-Западе Хазарского каганата является необоснованным.

Литература

Аксёнов В.С., Лаптев А.А., 2014. Освоение Лесостепного Подонцовья в хазарское время: Взгляд на проблему // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Хазарское время. Сб. науч. работ / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: ДонНУ. (Тр. по археологии). С. 25–50.

Афанасьев Г.Е., 1984. Исследования южного угла Маяцкой крепости в 1977–1979 гг. // Маяцкое городище: труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. Москва: Наука. С. 26–56.

Афанасьев Г.Е., 2010. О византийских линейных мерах в маяцкой крепости // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк. С. 123–148.

Афанасьев Г.Е., 2012а. К изучению эпиграфических памятников Маяцкого городища // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. / Ред. кол.: Гаджиев М.С., Гмыря Л.Б., Магомедов Р.Г. Махачкала: Издательский дом Мавраевъ. С. 261, 262.

Афанасьев Г.Е., 2012б. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. Казань. № 2 (2). С. 29–49.

Афанасьев Г.Е., 2012в. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сборник: Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 3. / Отв. ред. Винников А.З., Лылова М.И. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 93–122.

Афанасьев Г.Е., 2013а. Византийская метрология в крепостной архитектуре донских алан // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 229 / Гл. ред.: Макаров Н.А. Москва: Языки славянской культуры. С. 192–202.

Афанасьев Г.Е., 2013б. К вопросу об истоках кирпичного фортификационного зодчества хазарского времени на Дону // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 230 / Гл. ред. Макаров Н.А. Москва: Языки славянской культуры. С. 210–219.

Афанасьев Г.Е., 2013в. Колтуновское (Олександрово) городище хазарского времени (к проблеме истоков архитектуры и строительных приёмов) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Збірник наукових праць. Вип. 3 / Ред. кол. Свистун Г.Є. (гол. ред.), Тортіка О.О., Колода В.В., Аксьонов В.С. Харків: ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини». С. 24–44, 144–147.

Афанасьев Г.Е., 2015. Алексеевское городище как памятник салтово-маяцкой культуры // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 239 / Гл. ред. Макаров Н.А. Москва: Языки славянской культуры. С. 339–357.

Афанасьев Г.Е., 2016. О территории Хазарского каганата и хазарского «домена» в IX веке // Дивногорский сборник: Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. / Ред. Винников А.З. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 41–72.

Афанасьев Г.Е., Красильников К. И., 2012. Византийские архитектурные и строительные традиции в фортификации Красного городища // Проблемы археологии Кавказа: Группы по археологии Кавказа. Вып. 1 / Отв. ред. Мунчаев Р.М., Кореневский С.Н. Москва: ТАУС. С. 204–225.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Ленинград: Наука. 390 с.

Большаков О.Г., 1984. Средневековый город Ближнего Востока (VII – середина XIII в.). Социально-экономические отношения. Москва: Наука, ГРВЛ. 344 с.

Велихов Л.А., 1996. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. Москва: Наука. 480 с.

Винников А.З., Плетнева С.А., 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Воронеж: Изд-во ВГУ. 237 с.

Гербановский С.Е., 1943. Полевая фортификация (ПФ-43). Фортификационные и водные препятствия. М.: Воениздат НКО СССР. 120 с.

Горбаненко С.А., Колода В.В., 2013. Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі. Київ: ІА НАН України. 236 с.

- Зінченко О.М., Свистун Г.Є., 2005. Нові пам'ятки салтово-маяцької культури в долині Сіверського Дінця // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Вип. 7. Київ: ІА НАН України. С. 127–129.
- Колода В.В., Горбаненко С.А., 2010. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев: ИА НАН Украины, 2010. 216 с.
- Колода В.В., Чендев Ю.Г., 2010–2011. К вопросу о возможностях интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовы Хутора) // Хазарский альманах. Т. 9. / Ред. кол.: Олійник М.М. (гол. ред.), Айбабін О.І., Аксьонов В.С. та ін. Київ–Харків: ШОП Шейніна О.В. С. 107–130.
- Колода В.В., 2015. Контакты славянского мира и Хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект // Поволжская археология. № 04 (14). Казань: Фэн. С. 54–91.
- Комар А.В., 2005. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. Евреи и славяне. Том 16 / Ред. кол.: В. Петрухин, В. Москович и др. Москва: Мосты культуры, Иерусалим: Гешарим. С. 207–218.
- Комар О.В., 2010. Хозарський каганат і ранньосередньовічна номадистика: завершення епохи // Археологія і давня історія України: Зб. наук. праць. Вип. 1. Київ: ІА НАН України. С. 137–143.
- Красильников К. И., Красильникова Л. И., 2014. К вопросу о строительной тенденции форта Красное городище // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Материалы межрегиональной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвященной 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической Комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), прошедшей в г. Липецке 20–22 декабря 2013 года / Отв. ред.: Бессуднов А.Н. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ». С. 416–425.
- Куза А.В., 1989. Малые города Древней Руси. Москва: Наука. 168 с.
- Ласковский Ф.Ф., 1861. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I и II. С-Петербург: Императорская Академия Наук. 972 с.
- Ласковский Ф.Ф., 1858–1861. Карты, планы и чертежи к I, II части материалов для истории инженерного искусства в России. С-Петербург: Императорская Академия Наук. 66 с.
- Ласковский Ф.Ф., 1865. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. III. Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до Императрицы Екатерины II. С-Петербург: Императорская Академия Наук. 1022 с.
- Ласковский Ф.Ф., 1866. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. С-Петербург: Императорская Академия Наук. 74 с.
- Лёближуа, 1934. Долговременная фортификация. М.: Государственное военное издательство. 154 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. / Отв. ред. М.Н. Тихомиров, редактор издания и предисловие: А.Н. Насонов; Институт истории АН СССР. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 571 с.
- Петрухин В.Я., 2014. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Форум; Неолит. 465 с.
- Петрухин В.Я., 2002. Сказание о хазарской дани в контексте летописной истории // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции. Казань, 24–25 января 2001 г. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. С. 43–52.
- Пірко В.О., 2007. Оборонні споруди в межиріччі Дніпра і Сіверського Дінця (історичний нарис з уривками джерел і планами споруд за другу половину XVII–XVIII ст.) / Український культурологічний центр. Донецьк: Східний видавничий дім. 176 с.
- Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 288 с.
- Плетнева С.А., 1996. Саркел и «шелковый путь». Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета. 168 с.
- Плетнева С.А., 1999. Очерки хазарской археологии / Науч. ред. и послесл. В. Я. Петрухина. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим. (Серия «Современные исследования»). 373 с.
- Повесть временных лет, 1996. / Ред.: В.П. Андрианова-Перец, подготовка издания: М.Б. Свердлов, подготовка текста, перевод, статьи и комментарии: Д.С. Лихачев; Российская академия наук. Изд. 2-е, исправл. и дополн. С.-Петербург: Наука. (Литературные памятники). 669 с.
- Свистун Г.Є., Горбаненко С.А., 2011а. Споживчі аспекти соціально-економічних відносин на прикладі Чугуївського городища салтівського часу // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцять Слобожанські читання» /

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Упор.: Свистун Г.Є. Ред. кол.: Тортіка О.О., Колода В.В., Аксьонов В.С. Харків: ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини». С. 75–86, 136–143.

Свистун Г.Є., Горбатенко С.А., 2011б. Потребительские предпочтения продуктов земледелия как проявление градообразующих тенденций на примере Чугуевского городища Салтово-Маяцкого времени // История и археология Восточноевропейской деревни: М-лы I междунар. науч. конф. «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы» (22–23 сентября 2011 г., с. Кокино) / Ред.: Новожева Р.В. Брянск: Брянская государственная сельскохозяйственная академия. С. 34–47.

Свистун Г.Є., Зинченко А.Н., 2009. Знамено Мстислава Великого с городища Кочеток-I // Харьковский историко-археологический сборник. Вып. 5 / Ред. кол.: Терпиловский Р.В., Тортіка А.А., Сорочан С.Б., Колода В.В., Беликов Ю.А. Харьков: Мачулин. С. 116–128.

Свистун Г.Є., Лаптев А.А., 2016. Салтово-маяцкое городище у с. Пристен и его округа // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. / Под ред. А.З. Винникова; Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье». – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 296–311.

Свистун Г.Є., Сыровацкий В. П., 2012. Обследование памятников салтовской культуры в Харьковской области // Археологічні дослідження в Україні 2011. Волинь: Волинські старожитності. С. 442, 443.

Свистун Г.Є., 2005. Городища біля селища Кочеток на Харківщині // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Вип. 7. Київ: ІА НАН України. С. 279–281.

Свистун Г.Є., 2006. Чугуевское «гнездо поселений» салтово-маяцкой культуры // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). Липецк. С. 281–285.

Свистун Г.Є., 2007. Строительный материал и типология городищ салтовской лесостепи // Проблемы на прабългарската история и култура: Т. 4-1: Сборник в памет на ст.н.с. I ст.д.и.н. Димитър Ил. Димитров. Доклади от петата международна среща по прабългарска история и археология, Варна, 22–24.04.2004 г. София. С. 403–416.

Свистун Г.Є., 2009. К вопросу о городах в лесостепной зоне Хазарского каганата // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Мат. междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск. С. 44–51.

Свистун Г.Є., 2011. Трансформація поглядів на соціальну та стратегічну роль лісостепових городищ салтово-маяцької культури // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцять Слобожанські читання» / Упор.: Свистун Г.Є. Ред. кол.: Тортіка О.О., Колода В.В., Аксьонов В.С. Харків: ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини». С. 62–74, 134, 135.

Свистун Г.Є., 2012а. К вопросу о военно-стратегическом назначении салтовских городищ в лесостепной зоне Северскодонецкого микрорегиона // Хазарский альманах. Т. 10 / Ред. кол.: Бубенок О.Б. (гол. ред.), Аксьонов В.С., Бондар К.В. і ін. Київ: Інститут сходознавства ім. А. Кримського, Харків: Міжнародний центр хозарознавства Східноукраїнської філії МСУ. С. 146–158.

Свистун Г.Є., 2012б. Трансформация взглядов в оценке социальной и стратегической роли лесостепных городищ салтово-маяцкой культуры // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского. Вып. 2.) Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 189–208.

Свистун Г.Є., 2012в. Фортификация Чугуевского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский А.В.; Донецкий национальный университет. Донецк: ДонНУ. (Тр. по археологии). С. 7–34.

Свистун Г.Є., 2013а. Дослідження Старосалтівського городища // Археологічні дослідження в Україні 2012. Київ: ІА НАН України. С. 342, 343.

Свистун Г.Є., 2013б. Кабаново (Старопокровское) городище // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Збірник наукових праць. Вип. 3 / Ред. кол.: Свистун Г.Є. (гол. ред.), Тортіка О.О., Колода В.В., Аксьонов В.С. Харків: ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини». С. 107–117, 188–199.

Свистун Г.Є., 2013в. Ретроспективний погляд на природно-географічні умови салтово-маяцького лісостепу // Харьковский историко-археологический сборник. Вып. 12 / Ред. кол.: Терпиловский Р.В.,

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Тортика А.А., Сорочан С.Б., Колода В.В., Беликов Ю.А. Харьков: Мачулин. (Серия «Харьковская старина»). С. 6–23.

Свистун Г.Е., 2014а. Фортификация Старосалтовского городища // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Материалы межрегиональной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвященной 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической Комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), прошедшей в г. Липецке 20-22 декабря 2013 года / Отв. ред.: Бессуднов А.Н. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ». С. 426–437.

Свистун Г.Е., 2014б. Типология салтово-маяцких лесостепных городищ на современном этапе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Хазарское время. Сб. науч. работ / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: ДонНУ. (Тр. по археологии). С. 51–102.

Свистун Г.Е., 2015. I Белгородское (Северское) городище: курьезы, мифы и реальность // Харьковский историко-археологический сборник. Вып. 16. / Ред. кол.: Терпиловский Р.В., Тортика А.А., Сорочан С.Б., Колода В.В., Беликов Ю.А. Харьков: Мачулин. (Серия «Харьковская старина»). С. 4–32.

Тишин В.В., Флёров В.С., 2016а. Кто оставил надпись «M17» на блоке Маяцкой крепости? // Дриновский сборник. Т. IX. / Ред. кол.: Станчев М.Г. (гл. ред.), Страшнюк С.Ю.; Елдьров Св. София; Харьков: Изд-во БАН «Проф. Марин Дринов». С. 36–42.

Тишин В.В., Флёров В.С., 2016б. Псевдовизантийская надпись «ΥΣ» из Маяцкой крепости, Хазарский каганат // Восточная Европа в древности и средневековье: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. VIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. Москва, 20–22 апреля 2016 г. Москва. С. 292–297.

Толстой Л.Н., 1935. Песня про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г. [Сводный текст] // Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 04. Произведения севастопольского периода. Утро помещика. Москва: Художественная литература. 459 с.

Тортика А.А., 2013. География и топография городищ салтово-маяцкой культуры Верхнего Подонцовья в контексте исторических реконструкций // II Бахчисарайские чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 3–7 сентября 2013 г.). Симферополь: Антиква. С. 44–45.

Тортика А.А., 2016. Стратегия обороны или нападения? Городища лесостепного варианта СМК VIII–X вв. и их роль в системе хазарского влияния в регионе // Верхньосалтівське городище. Одне життя у контексті великих досліджень. Пам'яті Н.В. Чернігової. – Харків: Видавництво «Федорко». С. 125–136.

Федоровский А., Педаев Д., Сумцов Н., 2010. Природа и население Слободской Украины. Харьковская губерния. Пособие по родоноведению. Харьков: Издательство САГА. (репринтное издание). 346 с.

Флёров В.С., 2010. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. Москва: Мосты культуры. 260 с.

Флёров В.С., 2015. Заметки о хазарских кирпичях, блоках и крепостях // Хазарский альманах. Т. 13 / Ред. кол.: Бубенок О.Б. (гл. ред.), Аксенов В.С. и др. Москва, С. 299–336.

Флёров В.С., 2016. Из историографии середины XX – начала XXI в. Семикаракорской крепости и других хазарских памятников Нижнего Дона // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 245. Ч. I / Гл. ред. Макаров Н.А. Москва: Языки славянской культуры. С. 257–271.

Чендев Ю.Г., Колода В.В., 2012. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской обл. (проблемы комплексного изучения) // Российская археология. № 1. С. 112–121.

Щавелев С.П., 2003. Славянская дань Хазарии: новые материалы к интерпретации // Вопросы истории. № 10 / Гл. ред. А. Искендеров. С. 141–146.

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Таблица 1. Классификация салтово-маяцких лесостепных городищ по топографическому месторасположению и планированию оборонительных сооружений.

Простые (с одним дворищем) – Тип I				Сложные (с двумя и более дворищами) – Тип II					
с четырехугольной планировкой – Вид 1		максимально использующие рельеф местности – Вид 2		с четырехугольной планировкой цитадели – Вид 1		с округлой планировкой цитадели – Вид 2		максимально использующие рельеф местности – Вид 3	
с одной линией обороны – Вид 1А	с двумя и более совмещенными линиями обороны – Вид 1Б	не имеющие совмещенных линий обороны – Вид 2А	имеющие совмещенные линии обороны – Вид 2Б	не имеющие совмещенных линий обороны – Вид 1А	имеющие совмещенные линии обороны – Вид 1Б	не имеющие совмещенных линий обороны – Вид 2А	имеющие совмещенные линии обороны – Вид 2Б	не имеющие совмещенных линий обороны – Вид 3А	имеющие совмещенные линии обороны – Вид 3Б
Алексеевское (Т. Сосна, плато)	Короповы Хутора (С. Донец, останец)	Поминово (Оскол, мыс)	Ютановское (Оскол, мыс)	Первое Белгородское (С. Донец, плато)	Верхне-салтовское (С. Донец, останец)	Волчанское (С. Донец, мыс)	Мартовское (С. Донец, мыс)	Дмитриевское (С. Донец, мыс)	Хотомлянское (С. Донец, мыс)
Колгуновское (Т. Сосна, плато)		Коропово Южное (С. Донец, мыс)		Огурцово (С. Донец, плато)	Кабаново (С. Донец, плато)		Кочеток-II (С. Донец, мыс)	Мохначанское (С. Донец, мыс)	Сухогомльшанское (С. Донец, мыс)
Мухоудеровское (Т. Сосна, плато)		Кицёвское (Гуминья) (?) (С. Донец, мыс)		Старосалтовское (С. Донец, останец)	Яблоновское (?) (Оскол, мыс)		Котковское (?) (С. Донец, плато)	Павловское (?) (Т. Сосна, мыс)	Северское (С. Донец, мыс)
Верхнеольшанское (Т. Сосна, плато)				Кочеток-I (С. Донец, плато)				Карабуг (Дон, мыс)	
Маяцкое (Т. Сосна, плато)				Чугуевское (С. Донец, плато)					
Усердское (?) (Т. Сосна, плато)				Вербовское (С. Донец, мыс)					
				Пристен (Оскол, мыс)					
				Красное (Т. Сосна, плато)					
				Гороховатское (Оскол, мыс)					

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

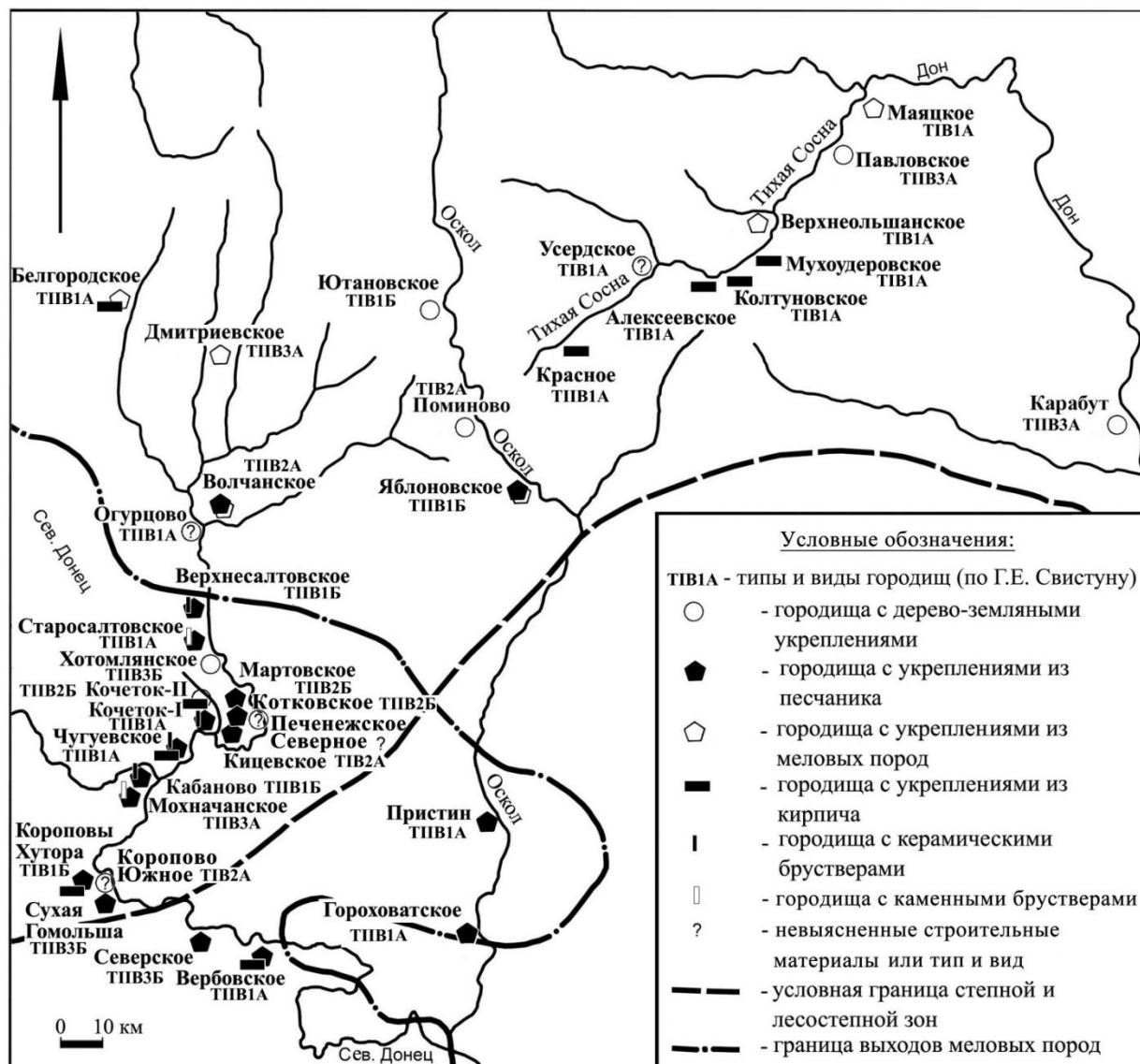

Рис. 1. Карта расположения лесостепных салтово-маяцких городищ